Г.Т. ТЕЛЕБАЕВ
доктор философских наук, профессор,
ведущий научный сотрудник библиотеки
Первого Президента Республики Казахстан –
Елбасы, г. Астана, Казахстан*

Тюркская философская традиция: вклад Ясауи и аль-Фараби

Тюркская философская традиция складывалась на протяжении веков, начиная от древнетюркских рунических надписей Культегина и Тоныкока. Уже в этих памятниках мы встречаем такие понятия, как «Тенгри», «Кок» (небо), «Жер» (Земля), «Кісі» (человек), «Ел» (народ-государство), «Өлім» (смерть) и др. Затем эти понятия были развиты в тюркской философии последующими мыслителями.

Особое значение при этом имел Великий Шелковый Путь, на котором находились города, сыгравшие решающую роль в формировании системы категорий, ставших базовыми для тюркской философской традиции.

Великий Шелковый Путь соединял народы и города, в том числе и посредством обмена философскими идеями. На протяжении более полутора тысячелетий он был основным каналом распространения философских идей между Центральной Азией, Китаем, Ираном, Византией, Передней Азией и Европой.

При этом были на Шелковом Пути города, которые занимали особое место в философском диалоге: их мы назвали «философскими точками». Это города, в которых была интенсивная культурная жизнь, находились крупные библиотеки и хранилища рукописей и которые дали миру выдающихся мыслителей. Для нас, в Центральной Азии особенно важно, что многие из этих мыслителей внесли весомый вклад в формирование тюркской картины мира, тюркского мировоззрения, тюркской системы категорий, тюркской философской традиции. Такими точками на

* Телебаев Газиз Турысбекович, e-mail: telebaevg@gmail.com

протяжении Шелкового Пути в целом являются (если начинать с востока и идти на запад) такие города, как: Сиань, Дуньхуан, Кашгар, Баласагун, Испиджаб (Сайрам), Отрар (Фараб), Яссы (Туркестан) и др..

В данной статье мы уделим внимание двум городам и двум мыслителям: Ходжа Ахмету Ясауи и Абу Насыру аль-Фараби.

Без сомнения, Испиджаб (Сайрам) был значимой «философской точкой» на Шелковом пути. Впервые он упоминается в маршрутнике Сюаньцзаня в 629 г. как «город на Белой реке». В этом городе родился замечательный тюркский мыслитель Ходжа Ахмет Ясауи (1103, Сайрам – 1166, Туркестан).

В философском труде «Диуани хикмет», который принадлежит, несомненно, к суфийской традиции, весьма важное место занимают тюркские элементы. Прежде всего, это касается концепции нравственной природы человека и идеи о скоротечности человеческого существования.

Заметна тюркская философская основа и в понятийном аппарате «Диуани хикмет». Такие понятия, как: «канағат» (удовлетворение, мера); «тағдыр» (судьба); «ырзық, құт» (счастье, благоденствие, достаток); «хақ» (истина); «аманат» (наказ, наследие); «рух» (дух); «аруақ» (дух предков); «ақыл» (разум); «көк» (небо) и многие другие очень часто встречаются по всему тексту «Книги мудрости». Они, с одной стороны, имеют несомненное тюркское происхождение, с другой – их особенности употребления, их интерпретация у Яссауи повлияли затем на формирование общетюркского философского словаря.

Известно, что для суфизма в концепции «совершенного человека» более важно то, что архетипы «Мухаммедовского образа» могут проявляться в отдельных людях (независимо от их конкретных моральных качеств), которым открываются тайны бытия, они созерцают божественную сущность в предметах и через них божественная сущность созерцает сама себя. И то, что именно эти люди выбраны богом в качестве воплощения «сущности Мухаммеда» есть проявление божественной милости и таинственной силы. Безусловно, нельзя забывать о концепции «Пути» в суфизме, в которой описываются «стоянки» и «состояния» в качестве этапов совершенствования человека. Но эти две концепции в суфизме напрямую не связаны, а большинство качеств,

требуемых от личности на пути совершенствования, имеют теологическую окраску: раскаяние, богобоязненность, удовлетворенность, упование на бога.

В тюркской же мыслительной традиции первичны этические требования к личности, как, например, в философии человека Жусипа Баласагуни. Для него наиболее важны стремление человека к знаниям, науке, моральные качества. В «Кутадгу билик» он писал:

«Величье дается благим разуменьем
А знанья – основа великим свершеньям»[1].

Этот этический рационализм и максимализм стали затем доминантными и в антропологии Ясауи, который наряду с «совершенным человеком» выделял «несовершенного человека», качествами которого являются тщеславие, зависть, двуличие, невежество, мстительность, ложь и др. Для избавления от этих дурных качеств необходимо нравственное совершенствование, что означает, по Ясауи, следующее: необходимо начистить до блеска зеркало, чтобы узреть в нем бога, т.е. очистить свое сердце[2].

Особое внимание уделяет тюркский мыслитель обличению такого порока, как невежество. Пятнадцатый хикмет в «Диуани хикмет» посвящен полностью невежеству, его пагубности, следствиям, к которым оно приводит, и причинам его, определению видов невежества. Причем сам автор прямо призывает читателей его труда, учеников последовать его советам, побороть невежество, найти путь к истине.

Другая интенция, ставшая отличительной чертой суфизма Яссауи и воспринятая им из тюркской мыслительной традиции – идея тщетности человеческого бытия. У Баласагуни, к примеру, эта «экзистенциалистская» идея изложена в поэтической форме так:

«Вся жизнь пролетит, словно ветер шальной,
Не сдержишь ее никакою ценой! …
Сей мир – что красотка увядшей поры:
Повадки девичьи, а годы стары…»[3].

При этом акцент делается именно на временности пребывания человека на земле, на относительности челове-

[1] *Баласагунский Юсуф*. Благодатное знание. М., 1983, с. 42.

[2] Иасауи Қожа Ахмет Диуани Хикмет (Ақыл кітабы) / Қазақшаға аударғандар: М. Жармұхамедұлы, С. Дәуітұлы, М. Шафиғи. Алматы: Мұраттас, 1993.

[3] *Баласагунский Юсуф*. Указ. соч, с. 80, 59.

ческого существования, на краткости жизни, на сожалении о неповторимости и невозвратности человеческого бытия. Потому превалируют мотивы грусти, тоски, печали, сожаления. Подобные мотивы, эта «экзистенциалистская» мировоззренческая установка присущи и Ясауи, который писал об иллюзорности этого мира, тщете человеческого существования.

Подтверждение этому – строки из «Диуани хикмет»:

«Знай, что для всех этот мир преходящ,

Не утешайся тем, что много скота, его тоже не будет,

Подумай, куда ушли (покинув этот мир) твои отец и мать, сестры…

Ни народ твой, ни родичи не будут тебе друзьями (навечно),

Уйдешь в небытие: жизнь пронесется как ветер…»[1] (подстрочный перевод автора статьи).

Тюркские мотивы явственно слышны также в оборотах, используемых Ясауи, особенно при обращении. Например: «уа, дариға!», «ей, достарым!», «уа, құдырет!» «ай, жарандар!».

Особое значение и для Шелкового пути, и для тюркского мира имеют города Отрар (Фараб) и Туркестан (Яссы).

Расцвет Отрарского оазиса, в который входили несколько городов, приходится на I-XIII вв. В городе находились знаменитая библиотека и один из монетных дворов династии Караханидов, в нем жили многие ученые, философы, предсказатели, ювелиры и искусные ремесленники. Из этого города родом целая плеяда ученых, ставших гордостью тюркского мира: всемирно известный философ и математик аль-Фараби Абу Насыр Мухаммед ибн Узлаг ибн Тархан (870-950), а также философ Абу-Л-Касим аль-Фараби (1130-1210), известный суфист Арыстан-Баб (XI-XII в.), астроном и математик Аббас Жаухари (первая половина IX века), лингвист и географ Исхак аль-Фараби (… - ум. 951).

У Абу Насыра в его социально-этических трактатах («О взглядах жителей добродетельного города», «Указание пути к счастью», «О достижении счастья») немало философских категорий, повлиявших на становление тюркского философского языка. К ним относятся: «счастье», «добродетель»,

[1] Иасауи Қожа Ахмет Диуани Хикмет (Ақыл кітабы) / Қазақшаға аударғандар: М. Жармұхамедұлы, С. Дәуітұлы, М. Шафиғи, с. 49..

«душа», «истина», «мудрость», «разум», «справедливость», «страдание», «удовольствие» и др. Конечно, подробный анализ этих категорий требует отдельной статьи или книги.

Фараби, как известно, формировался в философских традициях арабоязычного перипатетизма и неоплатонизма, обучаясь в философских школах Багдада и Дамаска. Вместе с тем нельзя не отметить несомненного влияния (возможно, даже на генетическом уровне) тюркской мыслительной традиции и архетипов древнетюркской ментальности.

Это проявляется уже в определении Фараби цели человеческой жизни – достижении счастья: «Счастье – это цель, к которой стремится каждый человек, ибо оно является неким совершенством»[1]. Отметим, что творивший веком позже в тюркской мыслительной традиции Жусуп Баласагуни назвал свой труд «Құтты білік» или «Знание, показывающее путь к счастью» («Благодатное знание», как переводил название работы А.Х. Касымжанов).

Счастье, по Фараби, является целью жизни еще и потому, что оно есть высшее добро, т.е. оно необходимо человеку ради него самого (счастья), а не как средство достижения других благ, целей и пр. «Поскольку мы видим, что достигнув счастья, мы совершенно не нуждаемся в том, чтобы стремиться к другой цели, постольку из этого явствует, что счастье предпочитается ради себя самого и никогда – ради [чего-то] другого», – утверждал в «Указании пути к счастью» аль-Фараби[2] .

Другой аспект, значимый для концепции счастья Фараби – релятивное понимание счастья: «… счастье мнится каждым человеком именно таким, каковым оно является в его представлении»[3]. У каждого человека оно свое, нет единого образца счастья. Для кого-то счастьем может быть богатство, для кого-то - здоровье, семья, карьера и т.д.

Пути к достижению счастья Фараби также намечает достаточно «земные», посюсторонние. К ним относятся: самосовершенствование; выполнение прекрасных действий и избегание безобразных; культивирование положительных качеств; здравомыслие и хороший нрав; умеренность, избегание крайностей избытка и недостатка.

---

[1] *Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад*. Социально-этические трактаты. Алма-Ата, 1973, с. 3.

[2] Там же, с. 4.

[3] Там же, с. 5.

Этические идеи Фараби во многом, на мой взгляд, сопрягаются с этической установкой традиции существования (характерной и для тюркской философии), которая может быть обозначена как атараксия – невозмутимость, довольствование малым. Данная интенция прекрасно выражена в следующих словах отрарского мыслителя: «Если не можешь достичь того, чего желаешь, надо желать того, чего можешь достичь». Отсюда ясно, что доминантой этического релятивизма Фараби является категория меры.

Необходимо заметить, что понимание меры в качестве главной нравственной ценности присуще в целом тюркскому, в частности казахскому, менталитету. В казахской народной мудрости, к примеру, значимое место занимает такое нравственное чувство, как «қанағат», т.е. чувство, обретаемое человеком в результате поисков меры, гармонии, правильного соотношения, соразмерности. В то же время «қанағат» выступает в качестве нравственного регулятора, предостерегающего индивида от неумеренности, перехода границ, от крайностей. В этом смысле «қанағат» может пониматься и как «моральное удовлетворение», и как «примирение с судьбой».

У аль-Фараби мере, умеренности уделяется главное внимание в его основном этическом трактате «Указание пути к счастью». Прежде всего, он определяет условия, соблюдение которых позволит каждому достичь искомой нравственной меры. Действие человека, чтобы быть умеренным, должно учитывать:

время действия;
место действия;
от кого происходит действие;
на кого направлено действие;
от чего происходит действие;
чем производится действие;
почему и для чего совершается действие[1].

Наиболее рельефно особенности интерпретации Фараби этической категории меры проявляются в детально разработанной им классификации нравственных качеств человека. При этом, реализуя общую для восточной традиции интенцию выделения не бинарных оппозиций (например, добро – зло), а более гибких противопоставлений, состоя-

[1] *Аль-Фараби, Абу Наср Мухаммад*. Социально-этические трактаты, с. 16.

щих из трех частей, Фараби для каждого нравственного качества выделяет его недостаток, «идеальное», гармоничное присутствие и избыток. Подобная методологическая позиция позволяет более дифференцированно подойти, к примеру, к нравственным изъянам людей, которые представляются в таком случае не как отсутствие данного нравственного качества, а как его недостаток или избыток.

Классификация нравственных качеств человека, по аль-Фараби, достаточно значима, потому считаем возможным привести ее подробно. «Идеальные» нравственные качества, а также их недостаток и избыток таковы.

Безрассудство (чрезмерная смелость) – храбрость (умеренная смелость, проявленная в опасных делах и воздержании от них) – трусость (недостаток смелости)[1].

Расточительство (чрезмерная трата и недостаточная бережливость) – щедрость, бережливость – скупость (чрезмерная бережливость и недостаточная трата денег). При этом при рассмотрении данной триады возникает интересное «перевертывание». Расточительство может пониматься как избыток, а скупость – как недостаток только при определении «идеальным» качеством щедрости. Тогда как выбор в качестве «идеального» качества бережливости меняет их местами, т.е. скупость становится избытком (бережливости), а расточительство – недостатком.

Алчность, прожорливость (избыток в наслаждениях) – воздержание (умеренное пользование наслаждениями: едой, женщинами) – отсутствие чувства удовольствия (недостаток в наслаждениях)[2].

Шутовство (избыток шутки) – остроумие (умеренное использование шутки) – отсутствие юмора (недостаток шутки). В этом случае Фараби весьма лоялен по отношению к такому нравственному изъяну как избыток шутки: «Человек должен в своей жизни отдыхать, а отдых всегда лишь таков, что чрезмерность в нем бывает приятна или, [по крайней мере] безболезненна. Шутка относится к числу того, что при своем обилии доставляет удовольствие или [по крайней мере] она безболезненна[3].

[1] Там же, с. 17.
[2] Там же, с. 18.
[3] Там же.

Ложное самомнение (приписывание себе благих качеств, добрых поступков, которых у него нет) – правдивость по отношению к самому себе (приписывать себе благие качества, добрые поступки, которые у него имеются) – притворство (человек приписывает себе что угодно, но не то, что ему присуще).

Подобострастие (избыток в этом) – дружественность (возникает благодаря умеренности в общении одного человека с другими, ввиду чего он получает удовольствие в разговоре или поступках) – высокомерие (недостаток в этом), недружелюбие (делает другому то, что того огорчает).

Рассуждая о путях достижения «идеальных» нравственных качеств, Фараби использует образ качелей. Люди обычно «бросаются из крайности в крайность», попеременно выбирая то избыток нравственного качества, то его недостаток. Ситуация осложняется тем, что обеим крайностям присуща легкость их достижения. В то время как достичь гармонии, «золотой середины» весьма и весьма непросто. Только длительная практика, каждодневные усилия, рассудительность и решимость, стремление к рациональному удовольствию могут привести человека к формированию в нем «идеальных» нравственных качеств.

Из средневекового города Яссы, который прославил Ходжа Ахмет, вышли также такие тюркские мыслители, как Ахмет Иугнеки (XII век) и Сулейман Бакыргани (…- ум. 1186).

Таким образом, Великий Шелковый Путь через «философские точки» позволял наладить весьма значимый идейно-философский диалог. В диалоге этом участвовали как представители различных религий: зороастризма, манихейства, несторианства, тенгрианства, буддизма и ислама, так и представители разных философских школ, среди которых заметное место занимали тюркские мыслители. С IX по XII вв. нашей эры мы можем наблюдать мощное развитие тюркской философии в городах – «философских точках» на карте ВШП. Это развитие привело к созданию своеобразного «тюркского философского словаря», в котором мы находим проявления архетипов тюркского мировоззрения. Наша задача – воссоздать этот философский словарь для того, чтобы прояснить в более точном виде базовые характеристики тюркской философской традиции.

Телебаев Г.Т. Тюркская философская традиция: вклад Ясауи и аль-Фараби. В статье проанализированы взгляды Ходжа Ахмета Ясауи и Абу Насыра аль-Фараби в контексте тюркской философской традиции. Показано, что этические взгляды мыслителей позволяют причислять их тюркской традиции в истории философии. Этический максимализм Ясауи и его идеи о тщетности человеческой жизни сближают его с таким тюркским мыслителем, как Жусуп Баласагуни. Представление о счастье Фараби, его учение о мере как главной этической категории имеют весьма значимые коннотации во взглядах других представителей тюркского философского круга.

Ключевые слова: философия, тюрки, счастье, Фараби.

Telebaev G.T. The Turkic phelosophical tradition: the contribution of Yasaui and al-Farabi. The article analyzes the philosophical views of Khoja Ahmet Yasaui and Abu Nasir al-Farabi in the context of the Turkic philosophical tradition. It is shown that the ethical views of thinkers make it possible to classify them as a Turkic tradition in the history of philosophy. The ethical maximalism of Yasaui and his ideas about thefutility of human life bring him closer to such a Turkic thinker as Juup Balasaguni. The idea of happiness Farabi, his teaching about the measure as the main ethical category have significant connotations in the views of other representatives of the Turkis philosophical circle.

Keywords: philosophy, Turks, happiness, Farabi.